-Перерыв-

Аттикус находился в коридоре, ведущем в комнату, а за ним следовала пара петухов, на которых было наложено проклятие подвластия. Вскоре он вошел в тайную комнату.

«Говори со мной, Слизерин, величайший из хогвартской четверки.» - Сэйр зашипел и спрятался за колонной, так как не хотел видеть ее лицо, когда совершал это предательство. Камни заскрежетали, и проход начал открываться.

Аттикус приказал петухам кукарекать, и по залу разнесся душераздирающее шипение, боль и агонию было так легко понять по ее тону, и все, что он мог сделать, это зажать уши руками, чтобы защититься от звука, и закрыть глаза в смирении, чувствуя явно больше, чем небольшое отвращение.

Наконец, спустя какое-то время все затихло.

Он вышел из-за колонны, за которой прятался, и увидел ее голову прямо у входа в каменную статую. Она безвольно и безжизненно лежала на полу, смотря остекленевшим взглядом в никуда.

"- Ха! Похоже, ты все-таки не лучше меня" – раздался насмешливый голос, которого Аттикус не слышал уже более шестнадцати лет. Он резко развернулся, палочкой в руке указывая на стоявшую невдалеке фигуру, и чуть не споткнулся, когда подтвердил свои опасения. «- Нет...это невозможно."

"- Как?!" – в его голосе четко прорезались гнев и страх.

Аттикус впервые почувствовал парализующий ужас, которого он не испытывал с тех пор, как был маленьким мальчиком в своей прошлой жизни.

Его колени дрожали, и все, что ему оставалось делать, это не двигаться, чтобы не упасть на пол, обмякнув, как труп рядом с ним.

Его бывший отец начал смеяться: "- Ты думал, что такой особенный? Что единственный, кто смог переродиться?" – фыркнул он снисходительно - насмешливым тоном.

"- Но это не важно. Важно то, что ты делаешь со своей второй жизнью. Убиваешь невинного, даже если это мерзость природы?"

"- Она не была мерзостью природы", - тихо рефлекторно возразил Аттикус, удивляя самого себя.

Его бывший отец начал двигаться к нему и, прежде чем он понял, что делает, Сэйр сделал инстинктивные шаги назад, и споткнулся, упав на спину. Он продолжал направлять на мужчину свою палочку, но это выглядело далеко не угрожающе, так как его руки дрожали, отчего кончик волшебной палочки сильно колебался.

Его бывший отец начал смеяться, наслаждаясь страхом Аттикуса. "- Приятно знать, что ты все еще знаешь свое место, сын мой". - произнес он, обнажив зубы в широкой улыбке.

"- Ты такой же, как твой папа", - добавил мужчина со злобной улыбкой на лице. Аттикус вздрогнул от его слов и вспыхнул от гнева, поднимаясь.

"- Я СОВСЕМ НЕ такой, как ты", - взревел мальчик, найдя в себе мужество в ярости, выпустив режущее проклятие в человека, от которого тот просто уклонился.

"- Разве нет? Разве ты не строишь планы по дальнейшей жизни, беззаботно используя людей? Точно так же, как делал в своем предыдущем мире?" – спросил он, наклонив голову, явно довольный тем фактом, что смог задеть Аттикуса.

"- Ты уже начал убивать равнодушно, обманывая себя, что делаешь это по уважительной причине". - он фыркнул, улыбаясь уродливой улыбкой

"- Я всегда знал, что ты не золотой ребенок, каким тебя считали.

Как ты можешь спасти мир, когда готов убивать тех, ради кого стоило бы его спасать в первую очередь. Ты лжешь себе, сынок". - Аттикус вздрогнул от его слов.

"- Посмотри правде в глаза, мой мальчик. Ты такой же гнилой, как и я".

Смех эхом прокатился по залу, заглушая отрицания Сэйра, пока он смотрел на призрака, который превратился в более ненавистную, дряхлую пантомиму человека, который мучил его в юности, и Аттикус почувствовал глубокую волну ненависти внутри себя.

"- АВАДА КАДАВРА", - взревел он, вкладывая все, что у него было, в заклинание.

Аттикус проснулся весь в поту. Он тяжело дышал, приводя себя в порядок. Его пижама насквозь промокла, а руки дрожали. "- Это был просто кошмар", - тихо пробормотал мальчик.

"- Нет, это был не просто кошмар ..." – поправил он сам себя и посмотрел в сторону окна, за котором начинался рассвет.

Аттикус вылез из кровати и пошел в душ, скорее автоматически, чем по собственному желанию.

Через час он покинул башню Равенкло, вышел наружу замка и вскоре понял, что сидит на гигантском корне дерева перед озером. Вокруг было жутко тихо, особенно для воскресного утра.

Он молча наблюдал за водой, и как солнце отбрасывало свой свет на поверхность озера, что придавало сцене мрачное ощущение.

Его вывело из задумчивости хлопанье крыльев вдалеке слева от него, и Аттикус поднял голову, мягко улыбнувшись, увидев, что это Фила. Она становилась все больше, и скоро не сбудет помещаться в клетке.

Тандерберд приблизилась и издала красивую трель, осторожно приземляясь прямо перед ним, и положила голову ему на колени.

Аттикус усмехнулся: "- Привет, Фила, я тоже по тебе скучал", - тихо сказал он, нежно глядя на нее. Она тихо взвизгнула, забравшись к нему на колени полностью и легонько тюкнула его в голову.

"- Ой. Я знаю, я знаю. Мне нужно чаще навещать тебя. Обещаю, что буду навещать тебя каждый день, если смогу", - заверил он фамильяра, примиряюще подняв руки.

Она фыркнула, но ясно показала, что приняла его слова, и опустила голову ему на грудь. "- Осторожнее, Фила, ты становишься слишком большой для меня. Я не буду расти так быстро, как ты.» - добродушно усмехнулся мальчик, и она клюнула его в грудь, в результате чего у Аттикуса начался приступ смеха.

Через некоторое время он успокоился: "- Спасибо, Фила. Теперь я чувствую себя намного лучше.» - поблагодарил он со вздохом. С фамильяром у них сформировалась связь, которую трудно описать словами.

Они были ... не обязательно эмоционально связаны ... но были связаны таким образом, что понимали состояние другого в любой конкретный момент. Он ожидал, что Фила сможет почувствовать, был ли он ранен каким-либо образом или он, если она окажется ранена.

Сэйр почесал ее под клювом, отчего Тандерберд восторженно заверещала.

"- Знаешь, Фила, я еще вчера был полон решимости сделать кое-что, о чем бы пожалел", - тихо признался он и наложил на них заглушающее заклинание.

Она слегка сдвинулась с его колен и посмотрела на него вопрошающими, озадаченными глазами.

"- Я планировал убить Серайю сегодня", - сообщил он, глядя на Филу, задаваясь вопросом,

полностью ли она поняла его.

Фамильярная связь не увеличивала интеллект животного, но на фундаментальном уровне повышала понимание намерения связанных. А Фила еще была умна сама по себе. Он был заинтригован тем, как много она могла понимать, и это пробудило его интерес к магическим существам.

Многие магические существа, не считая гуманоидных, обладали интеллектом, превосходящим их немагических или ближайших собратьев. Аттикус задавался вопросом, была ли это врожденная магия, которая увеличивала интеллект у существ, или это связано с опасностью магического мира, и магическим существам требуется более развитый разум, чтобы выжить в нем.

Он был выведен из задумчивости, когда Фила тихо курлыкнула на него, и Аттикус понял ее посыл.

"- Я решил... не делать этого, в конце концов,» - сообщил мальчик, отводя взгляд. «- Приснившийся кошмар изменил моё решение".

"- Я считал, что убить ее ради получения богатства было тем, что я должен был сделать, так как от этого зависели мои планы".

Аттикус покачал головой и посмотрел на Филу, которая внимательно слушала своего связанного. "- Но не думаю, что в этом действительно есть необходимость. Есть и другие способы собрать необходимый мне капитал, не прибегая к... тому, что я планировал сделать."

http://tl.rulate.ru/book/69062/2457354